ОБЩЕСТВЕННОЕ

ЗНАЧЕНІЕ МОНАСТЫРЕЙ

(Изъ доклада Присяжнаго Повѣреннаго Н. Д. Кузнецова 4 Отдѣлу Предсоборнаго Присутствія по вопросу о церковныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ въ Россіи).

Изданіе Религіозно-философской Библіотеки.

Г. Вышній-Волочекъ.
Типографія В. С. Соколовой.
1908 г.

Общественное значеніе монастырей.

Причины появленія монашества. Значеніе монашества и его вліяніе. Общественная дѣятельность монастырей. Особенное значеніе монастырей въ Россіи. Участіе ихъ въ строеніи государства и духовной жизни народа. Начала руководившія устройствомъ монастырей. Обнаруженіе ихъ въ исторіи Византіи и Россіи. Значеніе въ Россіи монастырей какъ церковныхъ учрежденій. Забвеніе духовныхъ интересовъ самихъ монаховъ. Желательность расширенія церковно-общественной дѣятельности монастырей. Необходимость сохраненія монастырскихъ земель.

„Монастыри совершенно излишни, ихъ слѣдуетъ позакрывать, все имущество монастырей нужно обратить на другое назначеніе, а земли ихъ передать крестьянамъ,“—вотъ какіе разговоры часто приходится теперь слышать въ извѣстной части общества. Въ дополненіе къ этому въ литературѣ раздаются голоса, что монастыри виноваты еще чуть ли не въ извращеніи христіанства, которое они будто бы свели къ аскетическому идеалу, оторванному отъ дѣйствительной человѣческой жизни съ ея общественными потребностями и построенному не на ощущеніи радостей бытія, а на самоограниченіи и отрицаніи земной жизни. Раболѣпствующіе передъ духомъ времени публицисты подхватываютъ эти мысли и въ разныхъ газетныхъ статейкахъ и замѣткахъ выражаютъ недовольство уклоненіемъ монастырей отъ необходимой, по ихъ мнѣнію, общественной дѣятельности, и съ свойственнымъ имъ легкомысліемъ производятъ отрицательную оцѣнку такого великаго прояв-

ленія силы и мощи человѣческаго духа, какое представляетъ христіанскій аскетизмъ, да притомъ еще подъ яснымъ вліяніемъ побужденій политическихъ и представляющагося имъ несоотвѣтствія аскетизма съ программами тѣхъ или иныхъ партій. Одинъ изъ такихъ публицистовъ, захваченныхъ политиканствующей религіозностью, и почти идолопоклонническимъ стремленіемъ все оцѣнивать интересами текущаго политическаго момента, недавно договорился, напр. до того, что въ большинствѣ подвижниковъ, признаваемыхъ Церковью святыми, онъ, повидимому, усмотрѣлъ не красносотенниковъ, а черносотенниковъ, т. е. людей самыхъ правыхъ политическихъ партій, и отсюда пришелъ къ выводу, что Церковь не можетъ разсчитывать на привлеченіе къ себѣ современнаго общества и завязать связи съ культурой, пока не преобразуетъ своихъ взглядовъ. Вотъ между прочимъ хорошій примѣръ, что въ послѣднее время у немалаго числа людей въ Россіи многія понятія точно сдвинулись съ своихъ мѣстъ и перемѣшались въ головахъ. При такихъ условіяхъ я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ по поводу не только монастырскихъ земель, но и самихъ монастырей.

Изученіе исторіи монашества и сочиненій выдающихся его представителей приводитъ къ заключенію, что монашество вовсе не претендуетъ замѣнить собой принесенный христіанствомъ идеалъ жизни, а представляетъ лишь одинъ изъ способовъ его осуществленія [1]), при чемъ вызывается онъ не отрицаніемъ земной жизни, а обычными ея нормальными условіями, которыя слишкомъ проникнуты грѣховностью. Грѣховность эта, какъ

[1]) Вотъ какъ разсуждаетъ по этому вопросу одинъ изъ наиболѣе строгихъ представителей монашества: „Посты, бдѣнія, упражненія въ св. Писаніи, нищета, расточеніе всего имущества не составляютъ совершенства, но суть только средства къ совершенству, такъ какъ не въ нихъ состоитъ

показываетъ даже самое поверхностное самонаблюденіе, дѣйствуетъ въ каждомъ изъ насъ (Гал. V, 17. Рим. VII, 15—24). Она такъ и высматриваетъ изъ большинства учрежденій и порядковъ частной и общественной жизни. Грѣховность является препятствіемъ на пути христіанской жизни, и съ ней невозможны компромисы, а нужна извѣстная борьба при помощи христіанства. Одинъ изъ главныхъ моментовъ этой борьбы составляетъ стремленіе культивировать лучшія стороны человѣческой природы и подавлять грѣховныя. Между тѣмъ окружающая жизнь обыкновенно дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ. И вотъ у людей, одушевленныхъ желаніемъ слѣдовать христіанству и сознающихъ невозможность измѣнить окружающія условія и ихъ вредное на себѣ вліяніе, естественна потребность стараться устраивать иныя формы и порядки жизни, которыя не только не давали бы пищу для развитія гнѣздящихся въ насъ страстей, но и были бы разсчитаны на ихъ искорененіе. Монашество отрицаетъ не земную жизнь въ ея нормальномъ видѣ, принесенномъ христіанствомъ, а земную жизнь въ ея грѣховныхъ формахъ и направленіяхъ.

цѣль жизни монашеской, но посредствомъ ихъ достигается цѣль. Напрасно будетъ упражняться въ нихъ тотъ, кто, довольствуясь ими какъ высшимъ благомъ, вниманіе своего сердца будетъ привязывать только къ нимъ и ревность къ добродѣтели не будетъ простирать, къ достиженію цѣли, для которой только ихъ нужно и желать. Это значило бы имѣть орудія для искусства и не знать его цѣли, въ которой состоитъ весь плодъ.... Не столько пріобрѣтенія отъ поста, сколько потери отъ гнѣва и не столько получается плода отъ чтенія, сколько вреда отъ презрѣнія брата. Итакъ, посты, бдѣнія, отшельничество, размышленія о св. Писаніи нужны для главной цѣли, т. е. чистоты сердца, которая есть любовь. Изъ за нихъ не должно нарушать эту главную добродѣтель, при цѣломъ невредимомъ сохраненіи которой у насъ не будетъ никакого недостатка, еслибы по необходимости и было опущено что либо изъ сказанныхъ подвиговъ, (поста, бдѣнія и проч.). Также не будетъ пользы все то исполнить, если не будетъ у насъ главной добродѣтели (любви), для которой все то и должно быть совершаемо. (Писанія преп. Іоанна Кассіана Римлянина. Собесѣдованіе I о цѣли монаха, глава VII, Москва 1877 г.).

Напомнимъ себѣ идущее изъ глубины вѣковъ замѣчаніе по этому поводу св. Іоанна Златоуста, хорошо знавшаго монашескую и общественную жизнь своего времени: „Хотѣлъ бы и я, говоритъ онъ лицамъ настроеннымъ враждебно противъ монашеской жизни, не меньше, а гораздо больше васъ, и часто молилъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ и такой бы насталъ добрый порядокъ въ городахъ, чтобы никому никогда не нужно было убѣгать въ пустыню. Но такъ какъ все пошло вверхъ дномъ, и города, гдѣ судилища и законы полны великаго беззаконія и неправды, а пустыня произращаетъ обильный плодъ любомудрія, то справедливость требуетъ, чтобы вы винили не тѣхъ, которые желающихъ спастись исторгаютъ изъ этой бури и волненія и руководятъ къ тихой пристани, но тѣхъ, которые каждый городъ дѣлаютъ столь недоступнымъ и непригоднымъ для любомудрія, что желающіе спастись принуждены бываютъ убѣгать въ пустыни“[1]). Монахи, по разъясненію св. Іоанна Златоуста, стремятся исполнять тѣ же обязанности, которыя установлены и для каждаго христіанина, и всѣ они отвѣтственны за ихъ исполненіе. Ты очень заблуждаешься и обманываешься, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, если думаешь, что иное требуется отъ мірянина, а другое отъ монаха. Различіе между ними въ томъ, что одинъ вступаетъ въ бракъ, а другой нѣтъ, во всемъ же прочемъ они подлежатъ одинаковой отвѣтственности. Всѣмъ людямъ должно восходить на одну и ту же высоту. Мы привлекаемъ въ монастыри, чтобы люди избѣгали грѣха и любили добродѣтель. „Если бы кто, замѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, представилъ надежное ручательство, что дѣ-

[1]) Къ враждующимъ противъ привлекающихъ къ монашеской жизни, Слово 1. Полное собраніе твореній св. Іоанна Златоустаго, т. 1, кн. 1 изданіе Петербургской духовной академіи. Спб. 1898 г.

ти при воспитаніи въ городѣ пріобрѣтутъ добродѣтель, я не вывелъ бы въ пустыню пріобрѣвшихъ такое искусство, напротивъ тогда особенно и посовѣтовалъ бы имъ оставаться въ городѣ и не похвалилъ бы тѣхъ, которые стали бы склонять ихъ къ бѣгству, но отнесся бы къ нимъ какъ къ врагамъ общественной жизни, такъ какъ, срывая свѣтильники и унося свѣтила изъ города въ пустыню, они лишили бы живущихъ тамъ величайшихъ благъ. Но дѣти прежде краснорѣчія научаются порокамъ и теряютъ силу души и все доброе расположеніе“[1]). Вообще для правильнаго понятія о монастырской жизни нужно выслушивать тѣхъ, кто является ея истинными представителями, а не руководствоваться одними ходячими и обыкновенно очень поверхностными сужденіями по этому вопросу. Развѣ можно, напр., утверждать, что монашеская жизнь, разъясняемая однимъ изъ ея первыхъ устроителей св. Василіемъ Великимъ, есть отрицаніе земной жизни? То общеніе жизни называю совершеннѣйшимъ, говоритъ св. Василій Великій по поводу монашескаго общежитія, изъ котораго исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположеній, въ которомъ съ корнемъ истреблены всякое смятеніе, споры и ссоры, все же общее и души и расположеніе и тѣлесныя силы и, что нужно къ питанію тѣла и на служеніе ему, въ которомъ одинъ общій Богъ, одна общая купля благочестія, общее спасеніе, общіе подвиги, общіе труды, общіе вѣнцы, въ которомъ многіе составляютъ одно и одинъ не единственень, но во многихъ. Что равняется сему житію? Что совершеннѣе такой близости и такого единенія? Что пріятнѣе этого сліянія нравовъ и душъ? Люди, подвигшіеся изъ разныхъ племенъ и

[1]) Тамъ же, Слово III. Къ вѣрующему отцу.

странъ, привели себя въ такое совершенное тождество, что во многихъ тѣлахъ видится одна душа и многія тѣла оказываются орудіями одной воли. Немощной тѣломъ имѣетъ у себя многихъ состраждущихъ ему расположеніемъ; больной и упадающій душой имѣетъ у себя многихъ врачующихъ и возстановляющихъ его[1]). Подобные же взгляды съ свойственной ему силой и яркостью мысли выражаетъ и св. Іоаннъ Златоустъ[2]). Вѣдь даже мечтающіе теперь объ устроеніи именно земной жизни по идеямъ равенства и братства, хотя и оторванные отъ связи съ пониманіемъ дѣйствительнаго состоянія человѣческой природы и въ противорѣчіе этимъ идеямъ допускающіе насильственные способы ихъ осуществленія, и тѣ—едвали не признали бы желательной описываемую здѣсь жизнь, но конечно, помимо ея религіозной основы. Кромѣ того въ исторіи жизни того или другого подвижника нерѣдко попадаются указанія, что монашество далеко не отвергаетъ возможность спасенія и въ обыкновенной жизни и не сводитъ христіанство къ одному аскетическому идеалу. О св. Антоніи, который какъ извѣстно проводилъ одинъ изъ наиболѣе аскетическихъ образовъ жизни, замѣчено, что несмотря на его подвиги Антоній еще не достигъ духовнаго состоянія одного башмачника въ Александріи, который, живя по христіански, считалъ себя ниже всѣхъ[3]). Въ другой разъ Антоній узналъ, что ему равенъ одинъ врачъ въ городѣ, отдающій избытки свои нуждающимся и ежедневно молящійся съ ангелами[4]). Относитель-

[1]) Творенія св. Василія Великаго. Часть V, Подвижническіе уставы, глава XVIII Москва 1858 г.

[2]) Бесѣды на Евангелиста Матѳея: 68, 69, 70, 72 и Слова къ враждующимъ противъ привлекающихъ къ монашеской жизни.

[3]) Писанія св. Антонія Великаго. Москва. 1883 г., стр. 118.

[4]) Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ св. отцовъ. Москва 1845 г. № 24 стр. 9.

но св. Пафнутія передаютъ, что подобными ему по духовному состоянію были признаны разныя лица, живущія въ міру. Одинъ христіанинъ флейтщикъ въ городѣ, который однажды защитилъ отъ разбойниковъ дѣвицу и выкупилъ семейство попавшее въ тяжелое рабство за долги. Одинъ купецъ христіанинъ въ Александріи, который всю прибыль отъ торговли издерживалъ на бѣдныхъ и монаховъ, и старшина христіанинъ одного селенія, который принималъ странниковъ, помогалъ бѣднымъ, никого не обижалъ и воспитывалъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ. При описаніи же жизни св. Макарія Великаго мы встрѣчаемъ замѣчаніе, что по духовному совершенству онъ былъ объявленъ ниже двухъ женщинъ, бывшихъ замужемъ за родными братьями[1]). Подобно этому два старца—подвижника узнали, что они еще не достигли степени совершенства жителя одного селенія Евхариста и жены его Маріи[2]). Гдѣ же во всемъ этомъ столь усердно навязываемое теперь монашеству отрицаніе земной жизни? Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что монашество, какъ свидѣтельствуетъ его исторія, обнаруживало и большое общественное значеніе, чего не могло бы быть, если бы оно не имѣло основаній въ условіяхъ дѣйствительной жизни и даннаго состоянія человѣческой природы. Уже одинъ фактъ стремленія осуществлять на землѣ христіанскую жизнь и создать для этого иную внѣшнюю обстановку, доступную зрѣнію каждаго и приглашающую къ себѣ всѣхъ желающихъ, оказался способнымъ сильно вліять на людей и пріобрѣлъ важное церковное значеніе.

На почвѣ именно монашескаго образа жизни появились столь великіе въ нравственно-духовномъ отноше-

---

[1]) Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ. Проф. П. Казанскаго. Прибавленіе къ творенію св. отцовъ. 1871 г. № 4, стр. 157.

[2]) Достопамятныя сказанія, стр. 74.

ніи личности, которые ясно свидѣтельствовали о его важномъ значеніи для человѣчества и которые не только для своихъ современниковъ, но и для насъ, отдѣляемыхъ отъ нихъ цѣлыми вѣками, служатъ нравственно духовными возбудителями къ высшей духовной жизни и ея наставниками. Я уже не говорю здѣсь объ оставленныхъ ими сочиненіяхъ, въ которыхъ они говорятъ, какъ люди, по собственному опыту и наблюденію надъ другими, глубоко проникшіе въ человѣческую природу. Они раскрываютъ въ ней предъ нами великія красоты и показываютъ такія черты, какія обыкновенно скрыты отъ насъ подъ слоемъ разныхъ другихъ впечатлѣній и настроеній. Сочиненія ихъ — это психологія человѣческой души на высшихъ ступеняхъ ея духовнаго развитія, и по нимъ мы можемъ узнавать ея важныя свойства и природу.

Примѣры жизни св. Антонія и св. Пахомія, учредителя монашескаго общежитія, нашли большой откликъ въ тогдашнемъ обществѣ. Въ пустыняхъ Египта, по замѣчанію историковъ, было почти столько же иноковъ, сколько народу въ городахъ[1]). Мало по малу къ монахамъ, особенно въ лицѣ ихъ высшихъ представителей, начали приходить и люди, оставшіеся жить въ міру. Они убѣдились на опытѣ, что монахи, упрекаемые въ отрицаніи земной жизни, могутъ однако удовлетворять разнымъ ихъ насущнымъ нуждамъ. Мірскіе люди шли къ нимъ за совѣтомъ, молитвою, наставленіемъ, утѣшеніемъ и даже матеріальною помощью, и уходили отъ нихъ, кто съ проясненнымъ сознаніемъ, кто укрѣпленный духомъ, а кто получившимъ и пособіе. Обыкновенно монахи занимались рукодѣліемъ, иногда огородничествомъ и садоводствомъ, часто во время жатвы нанима-

[1]) Тамъ же. Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ.

лись у землевладѣльцевъ жать хлѣбъ и получали плату хлѣбомъ. Руфинъ, напр., прямо утверждаетъ, что обычай наниматься на работу во время жатвы былъ распространенъ вообще между всѣми египетскими иноками[1]). Все это и давало имъ возможность кормиться трудами рукъ своихъ и оказывать матеріальную помощь нуждающимся и заключеннымъ въ темницахъ. О вліяніи, напр., св. Антонія св. Аѳанасій Великій замѣчаетъ: „Кто, если приходилъ къ нему печальнымъ, возвращался отъ него не радующимся? Кто, если приходилъ къ нему проливающимъ слезы объ умершихъ, не оставлялъ тотчасъ своего плача? Кто, если приходилъ гнѣвнымъ, не перемѣнялъ гнѣва на кротость? Какой нищій, пришедшій къ нему въ унынiи, послушавъ его и посмотря на него, не начиналъ презирать богатство и не утѣшался въ нищетѣ своей“[2]). Св. Іоаннъ Златоустъ, разъясняя съ своей стороны значеніе монастырей, обращаетъ вниманіе, что бѣдняки уходятъ оттуда съ утѣшеніемъ въ своей бѣдности, богатые возвращаются лучшими и съ здравыми понятіями о вещахъ, облеченные саномъ теряютъ тамъ свою обычную надменность[3]). Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ также, что по указанію монаховъ люди готовы были тратить большія суммы на дѣла благотворенія[4]). Извѣстно, что даже римскіе императоры, привыкшіе, чтобы передъ ними все трепетало, вступали въ переписку и бесѣды съ подвижниками, иногда спрашивали ихъ совѣта и вообще въ отношеніяхъ съ ними какъ бы разоблачались отъ своего вели-

---

[1]) Жизнь пустынныхъ отцовъ. Глава XVIII. Переводъ съ латинскаго свящ. М. Хитрова, Сер. Пос. 1898 г.

[2]) Жизнь преп. Антонія, описанная св. Аѳанасіемъ въ посланіи къ инокамъ, пребывающимъ въ чужихъ странахъ. Творенія св. Аѳанасія Александрійскаго. Часть III. Москва 1853 г. стр. 278.

[3]) Бесѣды на Евангелиста Матѳея. Часть III. Бесѣда 69.

[4]) Слова къ враждующимъ противъ монашеской жизни. Слово II.

чества и начинали чувствовать, что и они грѣшные люди, подлежащіе нравственной отвѣтственности. Въ глазахъ многихъ жизнь подвижниковъ производитъ впечатлѣніе и обнаруживаетъ ихъ величіе тѣмъ, что они — не рабы ни духа времени, ни народа, ни общепринятаго строя жизни, ни общественнаго мнѣнія, столь обезличивающихъ и подавляющихъ большинство человѣчества, а напротивъ обладаютъ безграничной энергіей и силой духа — стать внѣ среды, чтобы тѣмъ глубже воздѣйствовать на ту же среду[1]). Монашеская жизнь вызывала уваженіе даже со стороны язычниковъ, и они посѣщали монастыри, чтобы посмотрѣть и поговорить съ ихъ подвижниками. Какое значеніе въ глазахъ людей получили монастыри, хорошо показываетъ императоръ Юліанъ Отступникъ. При своей борьбѣ съ христіанствомъ въ противовѣсъ ему онъ намѣревался, кромѣ домовъ для странниковъ и убогихъ устроить и языческіе мужскіе и женскіе монастыри[2])

Столкновеніе съ иной обстановкой жизни, напоминающей о высшихъ ея задачахъ, въ которой не имѣютъ значенія обыкновенныя земныя различія, богатство и бѣдность, знатность и незначительность положенія, гдѣ все разсчитано на высшія цѣли, очевидно, само по себѣ способно производить впечатлѣніе на человѣка и пробуждать въ его душѣ какіе то интересы, обыкновенно подавляемые въ сутолокѣ окружающей жизни. Монашескій идеалъ не препятствовалъ занятію и такими важными дѣлами, какъ воспитаніе и обученіе дѣтей. По свидѣтельству св. Василія Великаго, монахи

---

[1]) Предисловіе свящ. М. Хитрова къ переводу сочиненія Руфина: Жизнь пустынныхъ отцовъ.

[2]) Созоменъ. Церковная исторія, кн. V, гл. 16. Спб. 1851 г. и св. Григорій Богословъ. Первое обличительное слово на царя Юліана. Творенія св. Григорія Богослова, часть I, слово 4, Москва 1889 г.

принимали къ себѣ дѣтей, у которыхъ нѣтъ родителей, чтобы по примѣру Іова (Іова XXIX, 12) быть отцами сиротъ[1]). На эту сторону монашеской жизни, какъ извѣстно обращалъ вниманіе и св. Пахомій Великій. Онъ сравниваетъ дѣтей съ землей, которая приноситъ или благіе плоды, если ее воздѣлывать съ заботливостью, или терніе, если оставляютъ невоздѣланною и безъ надзора, хотя бы и брошены были въ нее сѣмена добрыя. „Поэтому мы, говорилъ св. Пахомій монахамъ, должны имѣть особенное попеченіе о дѣтяхъ, какъ повелѣлъ намъ Господь; тогда можемъ надѣяться, что онъ будетъ милостивъ и къ нашимъ душамъ[2]). Въ Правилахъ св. Пахомія, этомъ первомъ уставѣ иноческаго общежитія, какъ называетъ ихъ Филаретъ архіепископъ Черниговскій, воспитанію и обученію дѣтей при монастыряхъ посвящены даже особыя правила 172 и 173[3]).

Св. Василій Великій также составилъ правила о содержаніи при монастыряхъ дѣтей, которыхъ обучали тамъ и разнымъ искусствамъ и ремесламъ[4]). Какъ въ Египтѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ при монастыряхъ были училища. Основателемъ и первымъ наставникомъ Эдесскагоучилища былъ, наприм., извѣстный св. Ефремъ Сиринъ[5]). До насъ дошли свѣдѣнія объ училищѣ при монастырѣ св. Саввы Освященнаго, при монастырѣ Студійскомъ[6]) и друг. Училища для христіанскаго образованія, какъ свидѣтельствуютъ историки, учреждались во

---

[1]) Правила пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ. Вопросъ 15. Творенія св. Василія Великаго, часть V. Москва 1858 г.

[2]) Исторія православнаго монашества на востокѣ. Проф. Петра Казанскаго ч. I. Москва 1854 г. стр. 164.

[3]) Историческое ученіе объ отцахъ Церкви Филарета Архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Спб. 1859 г.. т. II, § 111.

[4]) Правила пространно изложенныя. Вопросъ 15.

[5]) Историч. чтеніе объ отцахъ Церкви. т. II. § 98.

[6]) Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, т III. § 268.

многихъ обителяхъ востока вмѣстѣ съ утвержденіемъ общежительной иноческой жизни[1]). По вопросу о значеніи монастырскаго обученія св. Іоаннъ Златоустъ сообщаетъ, что изъ монастырскихъ училищъ выходило столь же мало дурныхъ воспитанниковъ, сколь много изъ училищъ мірскихъ. Обращая вниманіе на извращеніе въ окружающемъ обществѣ понятій добра и зла, св. Іоаннъ Златоустъ совѣтовалъ родителямъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастыри и оставлять ихъ тамъ, пока въ нихъ укоренятся сѣмена благочестія, они окрѣпнутъ духомъ и сдѣлаются способны различать добро и зло. Кромѣ того при монастыряхъ существовали особые дома для пріема странниковъ, въ которыхъ прибывшіе могли по-долгу проживать на средства монастыря и которые по тогдашнему времени составляли большое благодѣяніе[2]). При монастыряхъ устраивались также богадѣльни и больницы, что, напр., видно изъ житій пр. Ѳеодосія, Иларіона, Никиты Исповѣдника и др. По словамъ Палладія, автора Лавсаика, пресвитеръ Серапіонъ, настоятель многихъ монастырей и игуменъ братства числомъ до десяти тысячъ, черезъ братію собиралъ множество хозяйственныхъ припасовъ. Во время жатвы всѣ они приносили къ нему плоды, которые получали вмѣсто платы за уборку полей у сосѣднихъ владѣльцевъ. И все это Серапіонъ употреблялъ на вспомоществованіе бѣднымъ, такъ что никто не терпѣлъ нужды въ окрестности: хлѣбъ отсылали бѣднымъ даже въ Александрію. „И другіе отцы, прибавляетъ Палладій, жившіе по Египту отъ трудовъ братіи посылали бѣднымъ въ Александрію корабли, наполненные хлѣбомъ и одеждою[3]).

---

[1]) Тамъ же т. II, § 98.

[2]) Лавсаикъ. Палладія, епископа Еленопольскаго, § 7, стр. 28. Переводъ съ греческаго, Спб. 1873 г.

[3]) Тамъ же, § 67, стр. 266 и Жизнь пустынныхъ отцовъ. Руфина глава XVIII.

Нельзя не указать также на дѣятельность св. Ефрема Сиріанина. Во время голода въ странѣ, гдѣ была Эдесса, св. Ефремъ вышелъ изъ своей кельи, побудилъ богатыхъ людей притти на помощь бѣднымъ; на полученныя отъ нихъ деньги устроилъ дома съ разными отдѣленіями, поставилъ въ нихъ до 300 кроватей, заботился о больныхъ, кормилъ голодныхъ, погребалъ умиравшихъ. По окончаніи же голода онъ возвратился въ свою келью[1]).

Наконецъ вспомнимъ объ участіи монаховъ въ дѣлѣ распространенія христіанства и поддержанія его правильнаго ученія. Св. Антоній Великій, напр., услыша о гоненіи и мученіяхъ христіанъ, оставилъ пустыню. Онъ отправился стать во главѣ ихъ и подкрѣплять въ вѣрѣ. По словамъ біографа св. Антонія, во время непродолжительнаго пребыванія въ Александріи Антоній обратилъ ко Христу столько людей, сколько въ другое время обращали въ теченіе года. Немалая роль принадлежала монахамъ въ борьбѣ съ аріанствомъ. Народъ слѣдовалъ преимущественно за ними и аріане очень старались привлечь на свою сторону монаховъ, не останавливаясь для этого передъ угрозами и насиліями[2]). Какъ ярко выступаетъ дѣятельность представителей аскетическаго идеала, полная силы и твердости духа, въ эпоху иконоборческихъ смутъ, напр., въ лицѣ св. Іоанна Дамаскина, св. Ѳеодора Студита и др.! Кому не извѣстна ихъ миссіонерская дѣятельность, напр. въ лицѣ св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ? — Вотъ что свидѣтельствуетъ о монашествѣ его исторія,

---

[1]) Лавсаикъ, § 86, стр. 310–311.

[2]) Созоменъ. Церковная исторія, кн. VI, глава 20, и Сократъ. Церковная исторія кн. IV, гл. 24, Спб. 1850 г.; Письма св. Василія Великаго къ монахамъ, №№ 248 и 249. Творенія, часть VII, Москва 1854 г.

которая естественно входитъ какъ составная часть и въ исторію Православной Церкви. „Какъ непонятна была бы исторія Церкви въ первые три вѣка христіанства, замѣчаетъ проф. П. Казанскій, безъ исторіи мученичества, такъ непонятна была бы исторія послѣдующихъ вѣковъ безъ исторіи монашества[1]). Вообще монашество много послужило Церкви, и развѣ оно не обнаружило великой христіанской общественной дѣятельности и высшихъ заботъ о людяхъ? Не представляетъ ли фактъ возникновенія монашества и фактъ его значенія ясное доказательство необходимости для нашей природы, въ ея теперешнемъ состояніи, извѣстной степени аскетизма въ дѣлѣ осуществленія христіанской жизни. Не забудемъ, что вѣдь и передъ пришествіемъ въ міръ Христа предтечею Его явился св. Іоаннъ Креститель, суровый аскетъ и отшельникъ, который и подготовлялъ сознаніе и сердца людей къ принятію Спасителя. Фактъ этотъ очень знаменателенъ по вопросу объ аскетизмѣ. Очевидно, обыкновеннымъ людямъ гораздо легче было послѣдовать Христу, послѣ того какъ ихъ вниманіе было привлечено св. Іоанномъ Предтечей, представившимъ яркій образъ самоотреченія въ цѣляхъ высшей жизни и призывавшимъ ихъ къ покаянію. Аскетическому идеалу въ лицѣ св. Іоанна Крестителя должно было подготовить человѣческую природу и какъ бы расчистить въ ней путь для мірового идеала Спасителя. Не ясное ли это указаніе и по отношенію къ нашей жизни, что въ ней должна быть извѣстная доля аскетизма, т. е. борьба съ своею грѣховностью, для положительнаго развитія въ насъ христіанской жизни! Если св. Іоаннъ заявилъ, что онъ не достоинъ развязать ремень на обуви Спасителя, то намъ нѣчто подоб-

[1]) Исторія православнаго монашества на востокѣ, часть I, стр. 23.

ное приходится высказать о себѣ по отношенію къ самому Іоанну Крестителю и многимъ великимъ христіанскимъ подвижникамъ. Къ этимъ лицамъ также справедливо относятъ замѣчаніе апостола: „тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли“ (Евр. XI, 38).

При такихъ условіяхъ по отношенію къ современнымъ стремленіямъ унизить монашество во имя возстановленія чистоты христіанскаго идеала естественно можетъ закрадываться подозрѣніе, да не извращаютъ-ли они сами христіанскій путь жизни. Эти подозрѣнія еще болѣе усиливаются, когда мы обратимъ вниманіе на игнорированіе при этомъ вопроса о грѣхѣ и упреки монашеству за его склонность предпочитать печаль, окружать себя преимущественно ея символами и отвергать радости жизни.

Голоса, порицающіе такимъ образомъ монашество, часто кромѣ того сливаются съ другими, которые поучаютъ современное общество приблизительно такъ: берегите человѣческую природу, какъ она есть, и давайте просторъ свойственнымъ ей влеченіямъ. Иначе вы будете только портить свою природу и насиловать ея стремленія. Не имѣя возможности разбирать здѣсь подобныя возраженія противъ монашества и значеніе ихъ передъ судомъ христіанства, замѣчу лишь, что они очень напоминаютъ то, что высказывали о монашествѣ еще язычники подъ очевиднымъ вліяніемъ языческаго взгляда на жизнь, какъ на погоню за удовольствіями и какъ на какой-то вѣчный праздникъ. Ливаній, наприм., въ своей рѣчи въ защиту языческихъ храмовъ, для опроверженія значенія монашества указывалъ, что оно усматриваетъ добродѣтель въ печали и ношеніи траурныхъ одеждъ. Жизнь, посвященная покаянію и внѣ обычныхъ удовольствій, къ которымъ столь часто примѣши-

вается вліяніе грѣха, казалась язычникамъ глупостью. Между тѣмъ христіанство въ условіяхъ теперешней жизни вслѣдствіе присутствія въ ней грѣха требуетъ покаянія, которое содержитъ въ себѣ моментъ печали. Оно признаетъ блаженными плачущихъ, а не смѣющихся.... (Матѳ. V, 4; Лук. VI, 21 и 25)[1]). Только черезъ христіанскую печаль, какъ хорошо показываетъ и жизнь подвижниковъ, человѣкъ доходитъ и до переживанія настоящихъ радостей бытія[2]). Къ этому, конечно, стремятся и современные отрицатели идеи монашества, но по ошибкѣ и духовной неопытности они готовы принимать вмѣсто высшихъ радостей бытія просто удовольствія, соединенныя съ забвеніемъ христіанскаго смысла жизни, обыкновенно повергающія человѣка въ пучину рабства и безволія. По поводу ходячихъ въ обществѣ мнѣній о монашествѣ невольно припоминается замѣчаніе московскаго митрополита Филарета въ одномъ изъ его словъ въ день памяти преп. Сергія: „Гордость міра не позволяетъ

---

[1]) Ср. Мтѳ. V, 10 и 11; Лук. XXIV. 26; Дѣян. XIV, 22; 2 Коринѳ. VII, 8—11.

[2]) Представители аскетическаго идеала также говорятъ о радости и считаютъ даже необходимымъ присутствіе ея въ душѣ. По разъясненію, напр. св. Антонія Великаго, человѣкъ по очищеніи своей души отъ эгоистическихъ страстей получаетъ радость Господню, которая пребываетъ съ нимъ день и ночь, оживляетъ его разумъ и питаетъ его. Этою радостью возрастаетъ душа и является годною на все или совершенною и ею восходитъ на небо. Въ присутствіи этой радости человѣкъ становится неутомимымъ, не гнѣвается при людскихъ напраслинахъ и не боится никого, ни человѣка, ни звѣря, ни духа (Писанія св. Антонія Великаго. Наставленія § 53. Москва 1883 г.). Самый процессъ монашеской жизни вовсе не долженъ сопровождаться какимъ-то тягостнымъ или подавленнымъ состояніемъ духа, какъ хотятъ представить его нѣкоторые, враждебно настроенные противъ монашества и, повидимому, невѣрно его понимающіе. По свидѣтельству св. Іоанна Кассіана, очень строгіе подвижники утверждаютъ: „Воздержаніе поста не утруждаетъ насъ, трудъ бдѣнія насъ услаждаетъ, чтеніе и испытаніе писаній производится съ охотой, трудность работъ, послушаніе, нестяжательность, лишеніе всѣхъ земныхъ вещей и сіе пребываніе въ пустынѣ совершается съ пріятностью“. (Писанія св. Кассіана. Собесѣдованіе I, о цѣли монаха, гл. II).

ему признаться, что онъ оставленъ (лицами подобными св. Сергію) какъ недостойный, и потому онъ старается увѣрить тѣхъ, которые легковѣрно его слушаютъ, что онъ самъ какъ ни къ чему не способныхъ отвергаетъ тѣхъ, кто оставляетъ его, или что они, оставляя его добровольно, оставляютъ безразсудно. Но истина и опытъ говорятъ вопреки ему, что не столько онъ ихъ отвергаетъ, сколько они оставляютъ его, и что онъ безразсуденъ и несправедливъ, поскольку отвергаетъ ихъ, а не они, поскольку удаляются отъ него“[1]).

Переходя къ монастырямъ собственно въ Россіи, мы наталкиваемся на единственное во всемірной исторіи государствъ явленіе. Монастыри и истинные представители аскетическаго идеала принимаютъ широкое участіе въ самомъ строеніи русскаго государства и общественной жизни русскаго народа. Извѣстно, что уже въ первые вѣка послѣ принятія христіанства религіозное усердіе въ Россіи между прочимъ обнаруживалось въ учрежденіи монастырей. Въ эпоху татарскаго господства, когда угрожала опасность самому существованію Россіи и русскій народъ легко могъ быть поглощенъ монголами, монастыри оказывали противъ этого великую помощь. Они получали отъ татарскихъ хановъ особые ярлыки, которыми они охранялись отъ всякихъ притѣсненій, не исключая и татарскихъ чиновниковъ. При такихъ условіяхъ монастыри могли дѣлать многое, что было почти невозможно для другихъ, и они широко пользовались своими правами, способствуя этимъ и благу самаго государства. Благодаря особому положенію монастырей могла происходить разработка новыхъ земель, поддержаніе судоходства, торговли и т. д., а главное монастыри под-

---

[1]) Сочиненія Филарета, митрополита московскаго, т. II. Москва 1874 г. Слово 5 Іюля 1822 г. стр. 120.

держивали въ народѣ духовную энергію, терпѣніе и надежду на избавленіе, пробуждали въ немъ христіанское самосознаніе, не допускавшее окончательнаго порабощенія народа. Въ XIV вѣкѣ, по разъясненію нашего историка, профессора В. О. Ключевскаго, на сѣверъ и сѣверовостокъ за Волгой лежалъ глухой непроходимый край, кое-гдѣ занятый дикарями финнами. Русскому крестьянину съ семьей и бѣдными пожитками страшно было пуститься въ эти бездорожныя дебри. Но монахъ-пустынникъ пошелъ туда смѣлымъ развѣдчикомъ. Огромное большинство новыхъ монастырей съ половины XIV до конца XV вѣка возникло среди лѣсовъ костромскаго, ярославскаго и вологодскаго края. „Старинные памятники исторіи русской церкви разсказываютъ, сколько силы духа проявлено было русскимъ монашествомъ въ этомъ мирномъ завоеваніи финскаго языческаго заволжья для христіанской церкви и русской народности. Многочисленные лѣсные монастыри становились здѣсь опорными пунктами крестьянской колонизаціи: монастырь служилъ для переселенца-хлѣбопашца и хозяйственнымъ руководителемъ и ссудной кассой и приходской церковью и, наконецъ, пріютомъ подъ старость. Вокругъ монастырей осѣдало бродячее населеніе, какъ корнями деревьевъ сцѣпляется зыбучая песчаная почва. Ради спасенія души монахъ бѣжалъ изъ міра въ заволжскій лѣсъ, а мірянинъ цѣплялся за него и съ его помощью заводилъ въ этомъ лѣсу новый русскій міръ. Такъ создавалась верхневолжская Великороссія дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русское общество преподобный Сергій“. Даже факты самого освобожденія отъ татарскаго ига и возможности образованія прочнаго, независимаго русскаго государства проф. Ключевскій ставитъ въ непремѣнную связь съ тихой дѣятельностью преп.

Сергія въ его Радонежской пустыни, который своимъ вліяніемъ поднялъ нравственно-духовныя силы русскаго народа, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и унынiемъ, и вдохнулъ въ народъ чувства нравственной бодрости и духовной крѣпости. „При имени преп. Сергія, говоритъ онъ въ своей замѣчательной рѣчи 26 сентября 1892 года, народъ вспоминаетъ свое нравственное возрожденіе, сдѣлавшее возможнымъ и возрожденіе политическое, и затверживаетъ правило, что политическая крѣпость прочна только тогда, когда держится на силѣ нравственной. Это возрожденіе и это правило— самые драгоцѣнные вклады преп. Сергія, не архивные или теоретическіе, а положенные въ живую душу народа, въ его нравственное содержаніе“[1]). Вообще достиженіе самостоятельнаго политическаго существованія русскаго народа произошло вслѣдствіе сосредоточенія его матеріальныхъ и политическихъ силъ у московскихъ князей и пріобщенія восточно-европейскихъ и азіатскихъ инородцевъ къ Русской Церкви и народности посредствомъ христіанской проповѣди. Во всемъ этомъ, по свидѣтельству проф. Ключевскаго, великая роль принадлежала тремъ лицамъ: св. Алексію, митрополиту Московскому, св. Стефану Пермскому и св. Сергію Радонежскому. Каждый изъ нихъ подвизался на своемъ поприщѣ и совершалъ принятое имъ на себя дѣло. Но духовная дѣятельность иная, чѣмъ другія: она сразу можетъ вліять на многія стороны жизни. Такъ и значеніе дѣла этихъ трехъ лицъ простиралось далеко за предѣлы церковной жизни и широко захватывало по-

[1]) Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства. Рѣчь проф. Ключевскаго въ торжественномъ собраніи Московской духовной Академіи 26 сентября 1892 г. Богословскій Вѣстникъ, 1892 года № 11, ноябрь. Она издана и отдѣльно Троицкой Сергіевой Лаврой подъ заглавіемъ: „Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа“.

литическое положеніе всего народа. Они, по выраженію проф. Ключевскаго, „яркимъ созвѣдіемъ блещутъ на нашемъ XIV вѣкѣ, дѣлая его зарей политическаго и нравственнаго возрожденія Русской земли“[1]).

Вспомнимъ затѣмъ о значеніи въ нашей исторіи, напр., Кіево-Печерской лавры. Монастырь этотъ справедливо называютъ культурнымъ центромъ домонгольской Руси. Онъ оказалъ громадное вліяніе на народъ, поддерживалъ въ немъ христіанскія начала жизни и долгое время служилъ средоточіемъ христіанской просвѣтительной дѣятельности и всей русской образованности[2]). Вообще изъ-за монастырскихъ стѣнъ русскому народу свѣтился идеалъ христіанской жизни. Онъ шелъ туда, чтобы поучаться и укрѣпить тамъ свои нравственно-духовныя силы. Ослабѣвала ли въ русскомъ человѣкѣ надежда, истощалось ли терпѣніе, начинала ли погасать вѣра, онъ отправлялся въ монастырь къ какому-либо подвижнику или его послѣдователямъ, и здѣсь, подобно тому какъ отъ горящаго свѣтильника зажигаются потухающія свѣчи, въ немъ вновь загорался огонекъ духовной жизни, осмысливающій его земное существованіе и согрѣвающій его сердце отъ охлажденія подъ вліяніемъ окружающей обстановки. Въ монастырѣ кромѣ того онъ получалъ полезное наставленіе, нужный совѣтъ, утѣшеніе и убѣждался въ возможности для человѣка иныхъ порядковъ жизни и въ великомъ значеніи для него христіанства. Міръ, скажемъ мы словами проф. Ключевскаго, относящимися къ монастырю св. Сергія

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Das Kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands von Dr. Goetz Universitats professor in Bonn. Passau. 1904 г. Рефератъ, читанный 26 сентября 1904 г. въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владиміра проф Ф. И. Титовымъ. Труды Кіевской Духовной Академіи 1904 г. № 12.

XVI вѣка, уходилъ изъ многихъ монастырей „ободренный и освѣженный, подобно тому какъ мутная волна, прибивая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, и бѣжитъ далѣе свѣтлой и прозрачной струей“. Такое вліяніе монастырей, какъ и всякое духовное вліяніе, дѣйствовало органически, подобно закваскѣ, широко захватывало общество и вошло въ содержаніе духовнаго богатства русскаго народа.

Итакъ монастыри съ ихъ аскетическимъ идеаломъ участвовали въ самомъ строеніи русскаго государства и цѣлые вѣка руководили духовною жизнью народа. О нихъ прямо можно сказать, что они составляютъ какъ бы камни въ основаніи зданія русскаго государства. Монастыри въ исторіи Россіи пріобрѣли также и государственное значеніе. Поэтому русскому государству слѣдуетъ очень осторожно обсуждать вопросы, связанные съ монастырями, и помнить, что отрицательное отношеніе къ нимъ во многихъ случаяхъ можетъ оказаться тѣмъ же, что и отламываніе камней изъ фундамента большого зданія.

Даже въ Византіи, гдѣ монастыри вообще не имѣли такого значенія для государства, какъ въ Россіи, но гдѣ однако достаточно понимали, что все способствующее поддержанію задачъ христіанской жизни совпадаетъ и съ благомъ государства, хорошо сознавали пользу монастырей для религіозно-нравственныхъ интересовъ народа. Подобное отношеніе къ нимъ обнаруживалъ, наприм., императоръ Юстиніанъ, который усматривалъ благотворное вліяніе ихъ въ государствѣ, какъ центровъ, предназначенныхъ для осуществленія христіанскихъ задачъ жизни.

Но вѣдь въ настоящее время монастыри не то, что были раньше во времена св. Антонія, св. Сергія и др.

великихъ подвижниковъ, монахи очень плохи и вовсе не выполняютъ ихъ завѣтовъ,—можетъ быть, скажутъ нѣкоторые. Да, конечно, нельзя отвергать, что теперь монастыри находятся въ иномъ положеніи, и большинство ихъ измѣнило даже своему древнему назначенію—служить прежде всего на духовную пользу самихъ монаховъ. При изученіи исторіи монастырей въ ней замѣчается по отношенію къ монастырямъ процессъ ослабленія начала общиннаго и все большее и большее развитіе начала институтнаго, которое въ настоящее время сдѣлалось не только преобладающимъ, но почти одно составляетъ природу большинства монастырей. Возникновеніе монастырей было вызвано потребностью людей устраивать жизнь возможно удобнѣе для достиженія ея высшихъ цѣлей. На первомъ планѣ выступали духовные интересы монаховъ, которые составляли основаніе самого образованія монастырей и отражались на самыхъ порядкахъ ихъ жизни. Наприм., въ монастыряхъ св. Пахомія не было даже монаховъ-священниковъ, и литургію для нихъ совершали священники изъ сосѣднихъ селъ. Пахомій считалъ вреднымъ для монаховъ получать степени священства, такъ какъ это питаетъ въ нихъ духъ любочестія и желанія преимущества, вызывающія въ монастыряхъ распри, зависть и раздѣленія. Изъ сочиненій св. Іоанна Кассіана видно, что въ иныхъ монастыряхъ не было даже особаго храма, и монахи въ субботу и воскресенье ходили въ ближайшую сельскую церковь. Въ горѣ Нитрійской къ концу IV вѣка жило около 5000 иноковъ, раздѣленныхъ на 50 монастырей, частью общежительныхъ, частью келейныхъ. Общимъ мѣстомъ собранія былъ одинъ храмъ, куда они собирались въ субботу и воскресенье для общихъ молитвъ, проводя остальные дни въ подвигахъ благочестія въ своихъ монастыряхъ. На горѣ Нитрій-

ской было 8 пресвитеровъ, но только одинъ изъ нихъ совершалъ литургію[1]). Такимъ образомъ монастыри представляли изъ себя общества монаховъ. Съ теченіемъ времени, когда языческій греко-римскій міръ сталъ все болѣе и болѣе принимать христіанскія формы жизни, число монаховъ въ пустыняхъ стало уменьшаться, что сдѣлалось уже особенно замѣтно въ VI вѣкѣ. Но впечатлѣніе, произведенное на христіанское общество монашествомъ, оказалось настолько сильно, что оно вызвало въ немъ стремленіе съ своей стороны поддерживать монастыри и сохранять для міра хотя часть того, что обнаружили монахи въ своихъ порывахъ къ единенію съ Богомъ. Одно изъ наиболѣе сильныхъ впечатлѣній, произведенныхъ на міръ монахами, составляла, повидимому, ихъ способность къ молитвѣ, особенно же въ лицѣ ихъ высшихъ представителей. На важное значеніе ихъ молитвы обращали вниманіе многіе св. отцы, и очень нерѣдко, напр. св. Іоаннъ Златоустъ, который въ одномъ мѣстѣ, разъясняя значеніе монашества, прямо указываетъ, что они молятся за міръ. Подъ вліяніемъ этого императоры и частные люди начали обнаруживать желаніе снабжать монастыри всѣмъ необходимымъ и учреждать въ разныхъ мѣстахъ новые, лишь бы въ нихъ совершалась монахами частая молитва за учредителей и благотворителей монастырей съ ихъ родными и за цѣлое государство. Въ подобныхъ отношеніяхъ къ монастырямъ стали усматривать также и даръ Богу вообще. Притокъ людей въ качествѣ монаховъ въ пустыни мало по малу сталъ смѣняться стремленіемъ самихъ мірскихъ людей устраивать и поддерживать монастыри.

---

[1]) Церковная Исторія Созомена. Кн. VI, гл. 31; Руфина: Жизнь пустынныхъ отцовъ. Главы XXI и XXII и Исторія монашества проф. Казанскаго. Часть II, Москва, 1850 г., стр. 15.

Извѣстно, что, наприм., Императоръ Юстиніанъ много заботился о сооруженіи монастырей и издалъ разные законы, направленные къ обезпеченію монастырей имуществомъ, нужнымъ для нихъ, какъ церковныхъ учрежденій. Подобнымъ образомъ поступали и многіе другіе Византійскіе императоры.

По свидѣтельству Вальсамона, въ 1158 году, наприм., послѣдовалъ императорскій хрисовулъ, которымъ было повелѣно: всѣ недвижимыя имущества, находившіяся въ тотъ моментъ во владѣніи монастырей, со всѣми принадлежащими имъ правами, по установленнымъ документамъ или безъ нихъ, если только до тѣхъ поръ не были доказаны на нихъ права казны, считать полною собственностью монастырей, чтобы они владѣли ею на всѣ вѣка непоколебимо и безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, какъ даромъ императорскаго величества и чистымъ приношеніемъ. Этимъ хрисовуломъ, какъ поясненo въ немъ, императоръ приноситъ Богу нѣкій малый даръ взамѣнъ тѣхъ безчисленныхъ благодѣяній, какія получилъ отъ щедродательной Его десницы. Въ хрисовулѣ же 1181 года, подтверждающемъ эти постановленія, по отношенію къ монастырямъ замѣчено: „мое императорское величество, нуждаясь въ подкрѣпленіи вашими молитвами и во всемъ желая итти по стопамъ блаженной памяти императора самодержца и отца моего, благоволило подражать и его благотворительности по отношенію къ вамъ, посвятившимъ себя Богу, а такимъ образомъ и черезъ единое сіе благотвореніе къ вамъ, приносится даръ и Богу, царствующему надъ нами, и святой душѣ самодержца и отца моего императорскаго величества, и для нашей державы полагается опора и основаніе къ преспѣянію во благое“... Вмѣстѣ съ этимъ монастырямъ напоминается заботиться объ исполненіи, при поминовеніяхъ отца императора, всего,

что указано монастырями въ поданномъ императору прошеніи[1]). Какъ видно, напр., изъ 17 правила VII Вселенскаго собора, устраивать монастыри предоставлено было право и лицамъ не изъ монаховъ, клирикамъ и мірянамъ, лишь бы они могли обезпечить ихъ устройство и содержаніе нужными средствами. XIV новелла императора Льва Философа предписывала, ссылаясь на слова Спасителя: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ“ (Мтѳ. XVIII, 20), что средства эти кромѣ построенія храма и снабженія его утварью должны быть достаточны для содержанія не менѣе трехъ монаховъ. Государственный законъ въ Византіи поддерживалъ такія явно выраженныя намѣренія. Если жертвователь умиралъ, не успѣвъ осуществить своего намѣренія и сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе своимъ имуществомъ, то согласно XIV новеллѣ Льва Философа монастырь получалъ долю его наслѣдства наравнѣ съ дѣтьми умершаго. Когда умершій былъ бездѣтенъ,— но оставлялъ родителей, то одна часть его имущества поступала родителямъ, а другая монастырю. При переходѣ же наслѣдства въ боковыя линіи всѣ такіе родственники получали лишь $^1/_3$ часть, а $^2/_3$ шли на монастырь[1]).

Изъ другихъ византійскихъ узаконеній видно, что ктиторы монастырей, какого бы званія они ни были, получали большое вліяніе на самое ихъ управленіе, на избраніе настоятелей, на опредѣленіе способовъ ихъ содержанія и распоряжались монастырскимъ имуществомъ. Они, какъ показываетъ I правило Константинопольскаго Двукратнаго Собора, иногда смотрѣли на монастыри какъ на свою собственность, и, по замѣчанію Собора, „надписывали себя владѣльцами пожертвованнаго и при-

[1]) Толкованіе Вальсамона на 12 правило VII Вселенскаго Собора, Правила св. апостолъ и соборовъ съ толкованіями. Выпускъ III, Москва, 1899 г.

[2]) Толкованіе Вальсамона на 17 правило. Тамъ же: стр. 495—496.

думывали хитрость дѣлать посвященія Богу посредствомъ одного наименованія. Они не стыдятся и послѣ пожертвованія усвоять себѣ ту же власть, какую не возбранялось имѣть имъ прежде. И столько корчемничества примѣшалось къ этому дѣлу, что многое изъ посвященнаго Богу явно продается самими жертвователями къ изумленію и огорченію видящихъ все это". Если вспомнить при этомъ о св. Антоніи, св. Пахоміи и другихъ основателяхъ монастырей и о преслѣдовавшихся ими при этомъ цѣляхъ, то мы ясно чувствуемъ, что уже въ Византіи монастыри начали измѣнять свое прежнее назначеніе. Церковная власть того времени вполнѣ примирялась съ этимъ и съ этой точки зрѣнія устанавливала свое отношеніе къ монастырямъ. Со времени императора Алексѣя Комнена, который желалъ временно обезпечить раззоренныя епископскія каѳедры, къ этимъ каѳедрамъ начали присоединять богатые монастыри[1]), и порядокъ этотъ мало по малу вошелъ въ обыкновеніе. Епископъ являлся игуменомъ монастыря и пользовался его доходами. Конечно, епископъ, предназначенный къ управленію епархіей, требовавшему много вниманія и труда, могъ быть настоятелемъ монастыря только формально и не имѣлъ возможности выполнять то, въ чемъ должны заключаться обязанности игумена по разъясненію самихъ представителей монашества. Епископъ волей-неволей становился просто административнымъ начальникомъ монастыря и поддерживалъ съ нимъ лишь чисто внѣшнія отношенія. Даже сами патріархи, по своему положенію еще менѣе способные заботиться о духовной жизни каждаго монаха, однако находили возможнымъ пользоваться, такъ называемымъ, правомъ ставропигіи, т. е. принимать въ свое собственное управленіе монастыри, и притомъ не одинъ,

[1]) Толкованіе Вальсомона на 37 правило Трульскаго Собора. Тамъ же.

а многіе. Патріархи, конечно, получали съ такихъ монастырей извѣстные доходы и съ этой точки зрѣнія, повидимому, нерѣдко и смотрѣли на нихъ. По крайней мѣрѣ относительно епископовъ вообще объ этомъ свидѣтельствуетъ Константинопольскій Двукратный Соборъ въ своемъ правилѣ. Здѣсь сказано, что многія епископіи приходятъ въ упадокъ, потому что предстоятели ихъ свои попеченія вмѣсто нихъ обращаютъ на созиданіе новыхъ монастырей и, ухищряясь на подрывъ епископій, доходы съ этихъ монастырей присваиваютъ себѣ, заботясь объ умноженіи послѣднихъ. Будемъ также имѣть въ виду, что патріархи, какъ утверждаетъ Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на 13 правило VII Вселенскаго Собора, находили возможнымъ дарить монастыри мірскимъ людямъ[2]). Во многомъ изъ этого развѣ можно усматривать отношеніе къ монастырямъ, вытекающее изъ принциповъ, положенныхъ въ ихъ основаніе великими представителями монашества? Они едва-ли оправдали бы, напр., такое положеніе монастырей, что они могутъ служить средствомъ для доходовъ епископамъ, или что настоятели ихъ могутъ ограничиваться лишь ролью административныхъ начальниковъ, да еще съ высшимъ духовнымъ саномъ, и не быть изъ лицъ, посвятившихъ себя тому же, чему и остальные монахи, и живущихъ съ ними одной общей жизнью.... Гдѣ же при такихъ условіяхъ забота о духовномъ развитіи каждаго монаха, которую подвижники выдвигали на первый планъ, и ради которой возникали и самые монастыри? Нѣтъ, нужно признать, что очень много монастырей во времена еще Византіи изъ общинъ монаховъ, на удовлетвореніе духовныхъ нуждъ которыхъ они прежде всего были разсчитаны, превра-

[2]) Правила св. соборовъ съ толкованіями. Изданіе Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія. Выпускъ III, стр. 476.

тились въ особыя церковныя учрежденія, къ которымъ монахи оказались, такъ сказать, приставленными, какъ лица наиболѣе подходящія и носящія на себѣ монастырскую традицію.

Византійскіе взгляды и порядки, естественно, отразились въ Россіи и на отношеніи къ монастырямъ. Почти съ самаго же начала у насъ появились два рода монастырей. Одни были вызваны къ существованію людьми, ищущими въ нихъ духовнаго развитія, основаны, по выраженію лѣтописца, слезами, пощеніемъ и молитвою. Другіе же учреждались князьями и боярами въ благодарность Богу за какую-либо милость, для поминовенія умершихъ или живыхъ, въ воспоминаніе какого-либо важнаго событія въ жизни государственной или частной и т. п. Эти послѣдніе монастыри сразу возникали какъ церковныя учрежденія, для которыхъ мало-по-малу набирались и монахи. Понятно, что лѣтописецъ различаетъ эти два рода монастырей и, отмѣчая, что вторые не таковы, какъ первые, отдаетъ преимущество основаннымъ слезами, пощеніемъ и молитвою[1]). Въ Россіи также были эпохи высшаго расцвѣта монашества, когда появлялись среди него такія личности, какъ св. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе съ ихъ послѣдователями, св. Сергій Радонежскій съ его многочисленными учениками и др. Но затѣмъ стремленіе къ монашеству ослабѣвало, хотя число монастырей, повидимому, не уменьшалось. Почти всѣ они, не исключая и основанныхъ лучшими представителями монашества, получили характеръ институтный, т. е. учрежденій, которыя стали служить не только для проживанія и спасенія монаховъ, но и разнымъ другимъ цѣлямъ. Этотъ взглядъ на монастыри, какъ на учрежденіе, хотя не получившій словеснаго

[1]) Лѣтопись Нестора, I, 13.

выраженія, но воспринятый изъ опыта жизни, ясно обнаруживался въ Россіи и въ прежнее время и вызывалъ тѣ или иныя отношенія къ монастырямъ. Особенно сильно вліяніе его чувствуется въ извѣстныхъ спорахъ св. Іосифа Волоцкаго съ св. Ниломъ Сорскимъ и ихъ сторонниковъ по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ. Обѣ стороны исходили изъ разныхъ взглядовъ на монастыри. Сторонники св. Нила Сорскаго считали, что монастыри должны быть понимаемы, какъ общины монаховъ, заботящихся о спасеніи свойственнымъ имъ образомъ, а Іосифъ Волоцкій ясно сознавалъ, что въ ихъ природѣ образовалось и начало институтное, не покрываемое интересами живущихъ въ монастыряхъ монаховъ и служащее еще и другимъ цѣлямъ. Развѣ это не ясно, наприм., изъ разсужденій Іосифа на соборѣ 1503 года? Многіе монастыри, по его разъясненію, построены епископами и князьями еще въ началѣ просвѣщенія русской земли вѣрою. Основатели монастырей прежде всего старались сооружать въ нихъ храмы, а для богослуженія въ храмахъ необходимы были хлѣбъ, свѣчи, ладонъ и средства для содержанія священно-служителей. Чтобы монастыри и по смерти своихъ ктиторовъ не пришли въ упадокъ, нужно было обезпечить ихъ существованіе надежными и постоянными средствами. Этими средствами служили села и другіе источники, которыми благочестивые ктиторы надѣляли монастыри, между прочимъ и для того, чтобы бѣдные и больные находили здѣсь пріютъ и успокоеніе. А монахи, отрекшіеся отъ міра, должны были исполнять всѣ монастырскія работы съ постомъ и молитвою и завѣдывать дѣлами благотворительности. Трудясь для успокоенія странниковъ и больныхъ, для содержанія церковныхъ людей и предстоятелей, монахи не только не заслуживаютъ осужденія, но за свои труды и постничество получатъ еще сугубую награду. И блажен-

ные ктиторы воспріимутъ за свои приношенія воздаяніе отъ Бога, что въ монастыряхъ совершается по нимъ вѣчное поминовеніе, на пользу ихъ душамъ. Если же нѣкоторые монахи подъ вліяніемъ корыстолюбія употребляютъ во зло достояніе Божіе, то они одни и будутъ отвѣчать за свои дѣйствія, и ради этихъ немногихъ, невнимательныхъ къ спасенію своей души, не слѣдуетъ закрывать путь къ спасенію другимъ, вступающимъ въ монастыри, и лишать душевной пользы ктиторовъ[1]). Игумены, иноки и попы могутъ впадать въ согрѣшенія, справедливо замѣчаетъ св. Іосифъ въ другомъ мѣстѣ, а церковь Божія и монастыри никогда не согрѣшаютъ[2]). Св. Нилъ же Сорскій, обращая взоры ко временамъ процвѣтанія египетскаго монашества, настаивалъ на лишеніи монастырей права имѣть села и—чтобы чернецы жили по пустынямъ и кормились рукодѣліемъ[3]). Оба были правы съ своихъ точекъ зрѣнія,—и вслѣдствіе отсутствія стремленія прежде всего примирить самые исходные пункты споръ этотъ не получилъ разрѣшенія. Соборъ же подъ вліяніемъ ясныхъ указаній самой жизни склонился на сторону св. Іосифа Волоцкаго и призналъ необходимымъ сохраненіе за монастырями ихъ недвижимыхъ имуществъ, которыя сами по себѣ не могутъ вредить инокамъ, искренно заботящимся о спасеніи своей души. Принятіе съ теченіемъ времени въ свою природу институтнаго начала—удѣлъ каждаго великаго духовнаго явленія, не исключая и монашества. Это необходимо уже для самаго сохраненія вліянія на

---

[1]) Прибавленіе къ Твореніямъ св. отцовъ. Часть X. Москва, 1851 г.

[1]) Грамота игумена Іосифа къ боярину Борису Васильевичу о причинахъ неоставленія имъ монастыря при утѣсненіяхъ онаго. Древняя Россійская Вавліофика. Часть XIV, Москва 1790 г. стр. 189.

[3]) Жизнь преп. Іосифа, составленная неизвѣстнымъ. Прибавленіе къ Твореніямъ св. отповъ. Часть X.

послѣдующія поколѣнія. Пріобрѣтая характеръ института, или учрежденія, духовное явленіе продолжаетъ дѣйствовать въ мірѣ какъ бы независимо отъ измѣнчивыхъ человѣческихъ настроеній и взглядовъ и направляться той волей, которая вызвала явленіе. Иначе самое духовное явленіе можетъ быть легко затеряно въ человѣчествѣ и быть вытѣснено изъ душъ людей разными другими интересами и вліяніями. На переживаніе же духовнаго явленія во всемъ его объемѣ людьми даннаго времени, чтобы они были живыми его носителями, разсчитывать невозможно, и въ этомъ отношеніи трудно что-либо сдѣлать. Какимъ образомъ можемъ мы, наприм., заставить появиться такихъ людей, какъ св. Антоній Великій, св. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, св. Сергій Радонежскій и др.? Однако отъ насъ зависитъ стараться возможно лучше и въ болѣе живомъ видѣ сохранить завѣщанныя ими идеи, примѣры, формы жизни и т. п. Этой важной задачѣ между прочимъ и служатъ монастыри. Черезъ нихъ передъ каждымъ новымъ поколѣніемъ людей какъ бы снова оживаетъ личность того или другого подвижника и выступаетъ изъ глубины вѣковъ со своею уже давно протекшею жизнью. Завѣса времени, отдѣляющая насъ отъ подвижника, какъ бы разступается. Онъ снова и снова производитъ на людей поднимающее духъ впечатлѣніе и переноситъ насъ въ область высшихъ цѣлей жизни. Здѣсь мы какъ бы становимся у порога безсмертія и начинаемъ чувствовать связь загробнаго міра съ нашимъ. Такъ приходится характеризовать то, что испытываютъ часто многіе при осмысленномъ посѣщеніи нашихъ монастырей. Мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ сильно можетъ дѣйствовать въ духовномъ отношеніи пребываніе, напр., въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Тамъ человѣкъ сталкивается со слѣдами такой мощи человѣческаго

духа и силы воли, и такой возможности вѣры и стремленія къ инымъ задачамъ жизни, которыхъ ранѣе обыкновенно онъ не могъ себѣ и представить. Въ своей душѣ онъ чувствуетъ появленіе какого-то новаго содержанія, которое начинаетъ бросать иной свѣтъ на всю жизнь. Даже люди невѣрующіе и презрительно думающіе о монастыряхъ, и тѣ подъ вліяніемъ Лавры переживаютъ иногда нѣчто такое, что какъ бы клиномъ врывается въ ихъ душу. Одни изъ нихъ начинаютъ испытывать какой-то непонятный имъ страхъ, а другіе, встревоженные новыми для нихъ чувствами, стараются скорѣе прервать свое пребываніе въ Лаврѣ, и спѣшатъ обратно въ обычную обстановку жизни. А вотъ мысли и чувства, какія можетъ вызывать Троицкая Сергіева Лавра, и которыя хорошо выражаетъ Филаретъ, митрополитъ московскій.

„Мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву“, говоритъ онъ, какъ бы погружаясь въ переживаніе окружающихъ его въ Лаврѣ впечатлѣній и обращаясь къ самой Лаврѣ. „Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преп. Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія. Знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же и тѣмъ же сокровищемъ богата, т. е. Божіею благодатью, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его Лаврѣ; но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пре-

святыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣчи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать порогъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и черезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесной. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій, и въ награду за трудъ дня, и за гладъ (голодъ) нѣсколькихъ дней, получилъ укрухъ (кусокъ) согнивающаго хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, Преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое, безъ сомнѣнія, поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напр., безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія“ [1]).

[1]) Слово, сказанное 27 сентября 1842 года въ Троицкой Лаврѣ. Сочиненія Филарета, митрополита Московскаго, т. IV, Москва, 1882 г., стр. 193—194.

„И въ наши дни“, справедливо замѣчаетъ проф. Ключевскій, „люди всѣхъ классовъ русскаго общества притекаютъ ко гробу преп. Сергія съ своими думами, мольбами и упованіями: государственные дѣятели приходятъ въ трудные переломы народной жизни, простые люди въ печальныя или радостныя минуты своего частнаго существованія. И этотъ притокъ не измѣнялся въ теченіе вѣковъ, несмотря на неоднократныя и глубокія перемѣны въ строѣ и настроеніи русскаго общества. Старыя понятія изсякали, новыя пробивались или наплывали, а чувства и вѣрованія, которыя влекли сюда людей со всѣхъ концовъ русской земли, бьютъ до сихъ поръ тѣмъ же свѣжимъ ключемъ, какъ били въ XIV вѣкѣ. Если-бы возможно было воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятью Преподобнаго, что въ эти 500 лѣтъ было молчаливо передумано и перечувствовано передъ его гробомъ милліонами умовъ и сердецъ, это писаніе было бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной, политической и нравственной, жизни“[1]).

Монастыри, очевидно, должны быть дороги для насъ, и вполнѣ оправдываютъ свое существованіе уже однимъ тѣмъ, что на ихъ почвѣ появились многіе великіе подвижники, до сихъ поръ оказывающіе благотворное нравственно-духовное вліяніе, и преимущественно черезъ монастыри.

Кромѣ того монастыри являются мѣстомъ, гдѣ истово и уставно совершается богослуженіе. А хорошее отправленіе богослуженія, обыкновенно встрѣчаемое въ монастыряхъ, очень важно для современнаго общества, такъ какъ оно служитъ почти главной связью его съ Церковью. Многіе изъ монастырей построены въ память

[1]) Рѣчь въ торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 26 сентября 1892 г.

какого либо событія милости Божіей. Вступающій въ эту среду человѣкъ сразу попадаетъ въ атмосферу соотвѣтствующихъ воспоминаній, отъ нихъ въ немъ сильнѣе загорается вѣра. и душа дѣлается способнѣе къ молитвѣ. Немало людей находятъ въ монастыряхъ самое удобное для себя мѣсто для исповѣди и св. причащенія. Обычная обстановка часто не даетъ человѣку возможности сосредоточиться и спокойно подумать о своемъ нравственно-духовномъ состояніи. Попадая же въ иныя условія, онъ легче удерживаетъ въ себѣ слабые порывы духа и сознательнѣе приступаетъ къ таинствамъ, хранимымъ Церковью. Мнѣ пришлось посѣтить немало различныхъ мѣстъ Россіи, и на основаніи многочисленныхъ наблюденій я долженъ сказать, что, гдѣ въ самомъ городѣ или селеніи или недалеко отъ нихъ есть монастырь, особенно же изъ наиболѣе извѣстныхъ, тамъ религіозное чувство населенія живѣе и доступнѣе для духовнаго воздѣйствія. Для людей, порвавшихъ связи съ церковью, или для лицъ съ погасающей религіозной жизнью, все это мало замѣтно и даже мало понятно. Но уваженіе къ чужой личности съ ея высшими интересами, о которомъ такъ много говорятъ въ послѣднее время, должно заставить и такихъ людей, особенно же призванныхъ къ законодательству или государственному управленію, прислушиваться къ подобнымъ заявленіямъ. Вѣдь и каждому изъ нихъ при желаніи не трудно убѣдиться, хотя бы по однимъ внѣшнимъ фактамъ, какое великое значеніе для нравственно-духовной жизни русскаго народа имѣютъ, напр., Кіево-Печерская и Почаевская лавры въ юго-западной Россіи, Соловецкій и Валаамскій монастыри на сѣверѣ, Иннокентьевскій близъ Иркутска въ Сибири, Троицкая Сергіева лавра, монастыри Митрофаніевскій, Воронежскій, Задонскій, Саровскій, Оптина и Зосимова пустыни, въ средней Россіи, и многіе

другіе. Нѣкоторые изъ нихъ оказываютъ вліяніе на всю Россію. Сколько народа всякаго званія еще на нашихъ глазахъ пріѣзжало въ Оптину пустынь къ старцу о. Амвросію, и большинство изъ нихъ, по ихъ собственнымъ словамъ, получали отъ него нужную имъ помощь! Мнѣ хорошо также извѣстно, что, напр., Зосимову пустынь, верстахъ въ 20 отъ Сергіевой лавры, немало посѣщаетъ людей вполнѣ интеллигентныхъ съ большой духовной пользой для себя. Развѣ можно было бы уничтожить всѣ подобные монастыри? Вѣдь это значило бы изуродовать русскую жизнь и совершить насиліе надъ русскимъ народомъ по отношенію къ удовлетворенію имъ своихъ лучшихъ и сокровенныхъ духовныхъ потребностей. *Такимъ образомъ вопросъ о монастыряхъ вовсе не сводится къ вопросу о монахахъ, какъ стараются думать многіе. Монастыри въ Россіи существуютъ не только для монаховъ, но составляютъ и общее народное достояніе, которое мы должны оберегать ради духовныхъ интересовъ русскаго народа.*

Что же касается монашества, то я отнюдь не утверждаю, что относительно его все обстоитъ благополучно. Нормальное состояніе монастырей требуетъ развитія ихъ, какъ учрежденій и какъ монашескихъ общинъ. Но, къ сожалѣнію, съ монахами вообще, повидимому, произошло то, что съ геніальной прозорливостью предвидѣлъ еще св. Антоній Великій 1500 лѣтъ тому назадъ. „Придетъ время“, сказалъ онъ съ воздыханіемъ и слезами своимъ ученикамъ, „когда монахи оставятъ пустыни и потекутъ вмѣсто нихъ въ богатые города, гдѣ вмѣсто этихъ пустынныхъ пещеръ и тѣсныхъ келлій воздвигнутъ гордыя зданія, могущія спорить съ палатами царей, вмѣсто нищеты возрастетъ любовь къ собиранію богатствъ; смиреніе замѣнится гордостью; многіе будутъ гордиться знаніемъ, но голымъ, чуждымъ добрыхъ дѣлъ,

соотвѣтствующихъ знанію; любовь охладѣетъ; вмѣсто воздержанія умножится чревоугодіе, и очень многіе изъ нихъ будутъ заботиться о роскошныхъ яствахъ, не меньше самихъ мірянъ, отъ которыхъ монахи ничѣмъ другимъ отличаться не будутъ, какъ одѣяніемъ и наглавникомъ; и несмотря на то, что будутъ жить среди міра, будутъ называть себя уединенниками, т. е. монахами. Притомъ они будутъ величаться, говоря: я Павловъ, я Аполлосовъ (Кор. 1, 12), какъ бы вся сила ихъ монашества состояла въ достоинствѣ ихъ предшественниковъ; они будутъ величаться отцами своими, какъ іудеи—отцомъ своимъ Авраамомъ. Но будутъ въ то время и такіе,—прибавилъ св. Антоній,—которые окажутся гораздо лучше и совершеннѣе насъ, ибо блаженнѣе тотъ, кто могъ преступить и не преступилъ,—зло сотворить и не сотворилъ (Сир. XXXI, 11), чѣмъ тотъ, кто влекомъ былъ къ добру массою стремящихся къ тому ревнителей. Почему Ной, Авраамъ и Лотъ, которые вели ревностную жизнь среди злыхъ людей, справедливо такъ много прославляются въ Писаніи“[1]).

Духовные интересы монаховъ въ настоящее время въ большинствѣ монастырей дѣйствительно отошли куда-то на второй планъ, и о нихъ почти нѣтъ заботы. Чтобы быть монахомъ, достаточно извѣстнаго внѣшняго поведенія и ношенія монашеской одежды. Монахи являются лишь лицами приставленными къ монастырю, какъ учрежденію, и задача ихъ почти ограничивается совершеніемъ богослуженія или какимъ либо внѣшнимъ служеніемъ монастырю, не исключая и завѣдыванія въ городахъ приносящими доходъ монастырскими домами, или другимъ недвижимымъ имуществомъ. Каждому извѣстно, что основатели монашества и его лучшіе пред-

[1]) Писанія св. Антонія Великаго. Москва, 1883 г. Изреченія св. Антонія, § 26, стр. 12 и Patrol. Graec. t. 40, p. 1095.

ставители однимъ изъ непремѣнныхъ условій монашеской жизни считали необходимость отказаться отъ всякаго права на личное имущество, и соотвѣтственно этому устраивали порядки жизни и составляли правила. Константинопольскій же Двукратный Соборъ въ своемъ 6 правилѣ категорически постановилъ, что монахи не должны имѣть ничего собственнаго, но все ихъ имущество да укрѣпляется за монастыремъ, потому что блаженный Лука о вѣрующихъ во Христа и служащихъ образцомъ монашескаго общежитія говоритъ: „никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“ (Дѣян. IV, 32). Между тѣмъ въ наше время въ большинствѣ монастырей установились какъ разъ противоположные этому порядки. Обѣтъ нестяжательности, требующійся при вступленіи въ монашество, на практикѣ стали понимать, повидимому, лишь какъ оставленіе имущества, которое принадлежало при вступленіи, а не какъ отказъ отъ всякаго права на него въ послѣдующее время. Монахи послѣ постриженія могутъ имѣть сколько угодно денегъ и держать ихъ на свое имя въ кредитныхъ учрежденіяхъ. А чѣмъ дальше подвигается монахъ по своей службѣ при монастырѣ, т. е. получаетъ санъ игумена, архимандрита, званіе настоятеля и т. д., тѣмъ болѣе возвращается ему правъ по имуществу, отъ которыхъ онъ отказался въ моментъ постриженія. Законъ въ 1025 ст. тома X, ч. I, предоставляетъ архіереямъ, архимандритамъ и прочимъ „монашествующимъ властямъ“ передавать даже свое движимое, частное имущество по духовнымъ завѣщаніямъ кому угодно. Что это за монашествующія власти, о которыхъ говоритъ законъ? Очевидно, это тѣ лица, которыя, по правиламъ монашескимъ, должны жить одинаковою жизнью съ монахами, заботиться о ихъ духовномъ состояніи и во всемъ подавать имъ примѣръ. При

отсутствіи духовныхъ завѣщаній имущество монашествующихъ властей по закону переходитъ въ качествѣ наслѣдства къ ихъ родственникамъ, т. е. возстановляются даже родственныя связи монаховъ, которыя однако порвались при ихъ постриженіи. Благодаря такимъ порядкамъ и вообще нѣкоторымъ внѣшнимъ преимуществамъ, соединеннымъ у насъ съ принятіемъ монашества, люди, которые ничего не имѣютъ въ міру и которымъ не отъ чего отказываться, могутъ черезъ постриженіе въ монашество достигать очень хорошаго матеріальнаго положенія и дѣлать жизненную карьеру, о которой они не могли бы и мечтать, не произнося монашескихъ обѣтовъ.—Кромѣ того, настоятелями многихъ монастырей по византійскому примѣру состоятъ епархіальные или викарные епископы, по своимъ обязанностямъ не имѣющіе возможности входить въ духовныя нужды монаховъ. Управленіе монастырями черезъ намѣстниковъ нисколько не помогаетъ дѣлу. Намѣстники являются лишь простыми помощниками епископа, не обладающими достаточной самостоятельностью, необходимой для руководства братіей, и обыкновенно это создаетъ только двойное начальство въ монастырѣ, одинаково чисто внѣшняго характера. О забвеніи духовныхъ интересовъ монашествующихъ свидѣтельствуетъ и назначеніе монастырскихъ настоятелей вообще. Обыкновенно при этомъ руководствуются почти исключительно умѣньемъ монаха приносить пользу монастырю внѣшнимъ образомъ и особенно его способностями по хозяйственному управленію, а не способностями его итти во главѣ братіи по пути монашеской жизни. Если все это терпимо при отношеніи къ монастырямъ, какъ учрежденіямъ, къ которымъ монахи приставлены для служенія, то едва ли это примиримо со взглядомъ на нихъ, какъ на монашескія общины, спасающіяся особеннымъ об-

разомъ по примѣру древнихъ подвижниковъ. Въ интересахъ возстановленія въ монастыряхъ этого начала необходимы реформы, и первая изъ нихъ — обращеніе по возможности всѣхъ монастырей въ общежительные, которые и теперь все - таки лучше поддерживаютъ свойственные монашеству порядки жизни, а вторая — выборъ въ монастыри настоятелей прежде всего въ зависимости отъ ихъ способностей быть духовными руководителями братства.

Если у насъ подорвалось расположеніе къ монастырямъ, какъ общинамъ монаховъ, будемъ хранить ихъ, какъ особаго рода церковныя учрежденія, въ которыхъ, какъ въ формѣ, заключено много духовнаго богатства. Разбейте форму, и воспріятіе духовнаго богатства затруднится, а для многихъ сдѣлается почти вовсе невозможнымъ. Спасеніе же для монаховъ, искренно къ нему стремящихся, какъ замѣтилъ еще св. Антоній Великій, возможно и при настоящихъ условіяхъ, но только соединено съ большими препятствіями. Обращая вниманіе на уклоненія монаховъ отъ прежнихъ порядковъ жизни, св. Антоній однако ничего не говоритъ о необходимости уничтоженія изъ-за этого самихъ монастырей, очевидно, сознавая возможность служенія ихъ и другимъ церковнымъ цѣлямъ. По отношенію же къ монастырямъ, какъ учрежденіямъ, нельзя не высказать пожеланія, чтобы они принимали болѣе активное участіе въ духовныхъ интересахъ посѣщающаго ихъ народа, чтобы народъ получилъ возможность лучше понимать и воспринимать хранящееся въ монастыряхъ въ разныхъ видахъ духовное богатство. Пусть бы въ нашихъ монастыряхъ, особенно такихъ, какъ лавры, была приложена о стекающемся въ нихъ народѣ хотя часть тѣхъ духовныхъ заботъ, которыя, какъ мнѣ пришлось лично наблюдать, обнаруживаетъ католическое духовенство къ посѣтите-

лямъ извѣстнаго Лурда въ Южной Франціи. Тогда вліяніе нашихъ монастырей еще болѣе возросло бы и еще сильнѣе содѣйствовало бы религіозной жизни русскаго народа. Если монахи, какъ мнѣ случалось слышать, отказываются отъ подобной дѣятельности, прикрываясь своими обѣтами и однако вполнѣ примиряя съ ними пріобрѣтеніе личной денежной собственности, или оказываются вообще неспособны къ этому, то почему бы не поручить духовную заботу о богомольцахъ представителямъ бѣлаго духовенства, что едва-ли создало бы какое-либо противорѣчіе съ понятіемъ монастыря, какъ церковнаго учрежденія.

Условія переживаемой нами эпохи требуютъ затѣмъ отъ монастырей возможной для нихъ христіанской общественной дѣятельности. Монастырямъ слѣдовало бы основывать училища, въ которыхъ учащіеся кромѣ обученія наукамъ и ремесламъ пріобрѣтали бы умѣнье различать добро и зло, что духъ времени старается окончательно запутать. Большую пользу могли бы приносить больницы при монастыряхъ, въ которыхъ больные были бы окружены атмосферой, проникнутой религіознымъ началомъ, и многимъ не приходилось бы страдать въ болѣзни и умирать въ такихъ мѣстахъ, гдѣ даже нельзя услышать спасительнаго имени Христа. Подобно этому для людей престарѣлыхъ и увѣчныхъ, неспособныхъ къ труду, составило бы истинное благодѣяніе устройство при монастыряхъ соотвѣтствующихъ учрежденій, чтобы, проживая въ нихъ, эти люди могли постоянно чувствовать на себѣ духовное вліяніе монастыря и проводить жизнь въ болѣе удобной для спасенія обстановкѣ.

Все это, какъ мы видѣли, не противорѣчитъ задачамъ монастырей и самому строгому аскетическому идеалу, въ чемъ порукой намъ отмѣченная выше дѣятельность

великихъ представителей монашества, которые могутъ служить примѣромъ для монаховъ вообще. Вспомнимъ кромѣ того, что, напримѣръ, въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, какъ видно изъ Кіево-Печерскаго Патерика, преп. Ѳеодосіемъ былъ устроенъ при монастырѣ дворъ съ церковью, гдѣ всегда жило много нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ, которые питались отъ монастыря. На нихъ тратилась одна десятая часть монастырскаго имѣнія. Кромѣ того преп. Ѳеодосій посылалъ каждую субботу возъ хлѣбовъ находящимся въ темницахъ и во узахъ[1]). Исторія свидѣтельствуетъ также относительно св. Іосифа Волоцкаго (Волоколамскаго), что онъ устраивалъ училища для дѣтей, дома призрѣнія для старыхъ и убогихъ, во время голода кормилъ народъ на монастырскія средства, а когда увидѣлъ, что вслѣдствіе большой смертности очень много дѣтей потеряли родителей, построилъ особый домъ для сиротъ[2]). Заботы монастырей объ одержимыхъ нищетою и недугами св. Іосифъ, какъ приведено выше, выставлялъ даже однимъ изъ оправданій владѣнія монастырей недвижимыми имуществами и признавалъ для монаховъ полную возможность завѣдывать дѣлами благотворительности. Подобныя заботы о ближнемъ, требуемыя христіанскою любовью, можетъ быть вполнѣ покрыли бы по отношенію къ современнымъ монахамъ многіе грѣхи и недостатки ихъ монашеской жизни (1 Петра IV, 8). При такихъ условіяхъ монастыри привлекли бы къ себѣ немало новыхъ лицъ изъ міра, которые часто жаждутъ отдать себя на служеніе ближнимъ, да не находятъ твердой точки для приложенія своихъ силъ.

---

[1]) Жизнь преп. Ѳеодосія. Часть I, Одесса, 1903 г. стр. 59.

[2]) Исторія православнаго монашества въ Сѣверо-восточной Россіи со времени преп. Сергія, составленная діак. М. Кудрявцевымъ, ч. II, Москва 1881 г. гл. V, стр. 121—122.

Итакъ существованіе монастырей должно быть твердо охраняемо. Уничтоженіе ихъ вредно отозвалось бы на интересахъ церкви и народа. Этимъ между прочимъ была бы уничтожена важная историческая особенность самой Россіи, благотворно дѣйствующая на ея жизнь, что, конечно, уже не можетъ входить въ задачу законодателей и правительства. Недостатокъ отъ отсутствія такихъ учрежденій, какъ монастыри, сознается въ послѣднее время даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Европы. До насъ дошли сообщенія, что въ Англійской церкви и, кажется, еще въ какой то протестантской странѣ, недавно былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ учрежденій, напоминающихъ наши монастыри.

Для болѣе прочнаго обезпеченія монастырей въ достиженіи ими многоразличныхъ цѣлей за ними необходимо сохранить по крайней мѣрѣ тѣ недвижимыя имущества, которыми они владѣютъ въ настоящее время, и въ томъ числѣ земли. Необходимость для монастырей недвижимыхъ имуществъ хорошо разъяснена, какъ мы видѣли, еще св. Іосифомъ Волоцкимъ. Древнія церковныя правила, напр., 12 правило VII Вселенскаго собора, 24 пр. IV Вселенскаго собора, 49 пр. Трульскаго и др. показываютъ, что Церковь вообще допускала для монастырей владѣніе недвижимыми имѣніями и распространила на нихъ свойства имущества церковнаго. 24 пр. Халкидонскаго собора въ Славянской Кормчей, напр., прямо разъясняется въ томъ смыслѣ, что „селъ и виноградовъ и прочихъ стяжаній церковныхъ у монастырей не отъимати“ [1]). Если самые монастыри должны быть оберегаемы, то по вопросу собственно о монастырскихъ земляхъ пришлось бы повторить многое, что уже высказано относительно земель церковныхъ. Для монастырей земли

[1]) Правила св. Вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. Выпускъ II Москва, 1897 г. стр. 245.

могутъ быть важны между прочимъ и потому, что черезъ нихъ монахамъ предоставляется возможность кормиться трудами рукъ своихъ и, хотя этимъ, напоминать собою древнихъ египетскихъ иноковъ, нанимавшихся на жатву у сосѣднихъ владѣльцевъ для полученія хлѣба на прокормленіе себя и другихъ, нуждающихся въ помощи.

Нѣкоторые, недовольные монахами, въ доказательство необходимости отобрать монастырскія земли приводятъ соображеніе, что доходы съ нихъ все равно тратятся напрасно, на содержаніе не заслуживающихъ уваженія монаховъ. Но думать такъ, значитъ не отдавать себѣ отчета въ дѣйствительномъ положеніи дѣла. Я уже обращалъ вниманіе, что понятіе „монастыри“ теперь совсѣмъ не совпадаетъ съ понятіемъ „монахи“. Земли принадлежатъ монастырямъ, а доходы съ нихъ и другихъ недвижимыхъ имѣній идутъ на общія нужды монастырей, какъ церковныхъ учрежденій. Если же нѣкоторая часть доходовъ употребляется собственно на содержаніе приставленныхъ къ монастырю и служащихъ ему въ разныхъ отношеніяхъ монаховъ, то, конечно, они имѣютъ право на полученіе отъ этого учрежденія содержанія, безъ котораго нельзя жить и исполнять свои обязанности въ нашемъ мірѣ. Не забудемъ, что и русскій народъ въ своей массѣ умѣетъ различать понятіе монастыря и монаховъ, что, какъ мы видѣли, ясно обнаруживается еще у св. Іосифа Волоцкаго. Если народъ замѣчаетъ неправильную жизнь монаховъ, то это въ его глазахъ не подрываетъ еще значенія монастырей, какъ учрежденій, и возможности для него пользоваться хранящимся въ монастыряхъ духовнымъ богатствомъ.

Приведенныя выше статистическія данныя показываютъ, что количество монастырскихъ земель въ Россіи еще гораздо меньше, чѣмъ церковныхъ. Въ Евро-

пейской Россіи оно не достигаетъ 0,1% ея пространства, въ Азіатской составляетъ лишь немногимъ болѣе 0,001%, а во всей Россіи около 0,02%. Монастырской земли въ Россіи оказывается столь мало сравнительно съ разными другими ея видами, что крики именно объ *ея* отчужденіи въ интересахъ облагодѣтельствованія крестьянъ, которымъ могутъ быть отведены другія земли, становятся прямо смѣшными, если только они не направляются скрытымъ стремленіемъ чѣмъ либо повредить монастырямъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время ни о какомъ отчужденіи принадлежащихъ монастырямъ земель не должно быть и рѣчи. Помимо всего другого, это пошло бы въ разрѣзъ съ самими государственными интересами Россіи.

III. Ревизіонная дѣятельность собора и ея основныя начала.
IV. Патріаршая власть въ русской церкви.

6) **Схема церковнаго строя.**
7) **Еп. Порфирій Успенскій.**
Его церковная программа.
8) **Н. П. Аксаковъ.**
Міряне въ церкви.
9) **Н. А. Заозерскій.**
Историческая справка объ участіи въ соборахъ клириковъ и мірянъ.
10) **А. П. Лебедевъ.**
Духовенство и народъ и ихъ взаимныя отношенія въ II и III вѣкахъ.
11) **Д. Синицкій.**
Изъ исторіи юго-западныхъ братствъ.
12) **М. А. Новоселовъ.**
Соборное Подготовительное Совѣщаніе.

Приложенія.

I. Проектъ постановленій о церковно-приходскомъ собраніи и церковно-приходскомъ совѣтѣ православныхъ приходовъ въ Россіи.
II. Организація высшаго управленія въ великой Константинопольской церкви.
III. Организація высшаго управленія въ православной Сербской Карловицкой церкви въ Австровенгріи.

Цѣна **50** коп., съ пер. **60** к.

II. Высшее церковное управленіе въ Россіи.

I. Историческое прошлое высшей церковной власти въ Россіи и современное состояніе церкви. *Влад. Соловьева.*
II. Реформа Петра Великаго, ея характеръ и значеніе:

1) Реформа Петра Великаго.
2) Неканоничный характеръ реформы.
3) Ослабленіе соборнаго начала.
4) Власть Государя по Духовному Регламенту.
5) Дѣятельность Синода и епископовъ по Духовному Регламенту.
6) Отношеніе къ Синоду Петра Великаго.
7) Отношеніе къ Синоду духовенства и народа.
8) Положеніе Синода послѣ Петра Великаго.
9) Отсутствіе цезарепапизма въ Русской церкви.

III. Къ чему ведетъ взглядъ на церковь, какъ на государственное учрежденіе? *А. С. Хомякова.*
IV. Бюрократія въ церкви. *Л. А. Тихомирова.*
V. Современное состояніе высшаго церковнаго управленія въ Россіи. Протоіерея *А. М. Иванцова-Платонова.*

Цѣна **40** коп., съ перес. **50** коп.

III. О православномъ пастырствѣ.

Архіепископъ *Антоній (Храповицкій).*

Цѣна **80** коп., съ пер. **90** коп.

IV. Отношеніе соціализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности.

В. А. Божедомова. Цѣна 45 коп., съ пер. 55 коп.

V. Ѳ. М. Достоевскій, какъ проповѣдникъ христіанскаго возрожденія и вселенскаго православія,

Цѣна 40 коп., съ перес. 50 коп.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ: „Правовѣдѣніе“ (Голубева), Тузова Суворина, Карбасникова, Вольфа, „Вѣра и знаніе“, Оглоблина (Кіевъ), въ складѣ св. благ. князя Михаила (Тверь), и др.

Выписывающіе непосредственно отъ М. А. Новоселова (Москва, возлѣ храма Христа Спасителя, домъ Ковригиной), на сумму *менѣе* одного рубля могутъ высылать марками, а *не менѣе* 3-хъ руб.—не платятъ за пересылку. Можно налож. платеж.

Другія сочиненія Н. Д. Кузнецова:

I. Церковь, духовенство и общество.

Современная потребность живого участія народа въ дѣлахъ церковныхъ, въ связи съ вопросомъ о разъединеніи духовенства и мірянъ.

Цѣна 20 коп.

II. По вопросамъ церковныхъ преобразованій.

Цѣна 1 руб.

III. Преобразованія въ русской церкви.

Разсмотрѣніе вопроса по официальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни.

Цѣна 75 коп.

Религіозно-Философская Библіотека.

Выпускъ I-й Религіозно-Философской Библіотеки: „**Забытый путь опытнаго Богопознанія**“, изд. 2-е. *М. А. Новоселовъ*. Цѣна 25 коп., съ перес. 30 коп.

Выпускъ II-й: **Исканіе Бога**. Сборникъ. *Оп. Николя, Гр. М. М. Сперанскій, Игнатій Брянчаниновъ и др.*, изд. 2-е. Цѣна 25 к., съ перес. 30 коп.

Выпускъ III-й: „**Вѣчная жизнь какъ высшее благо**“. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

Выпускъ IV-й: „**Соціальное значеніе религіозной личности**“. Сборникъ. *Влад. Соловьевъ, Гербертъ Спенсеръ, Достоевскій, Герценъ, Тихомировъ*. Цѣна 50 к. съ пер. 55 коп.

Выпускъ V-й: „**Личность, общество и церковь**“. *Л. Тихомировъ*. Цѣна 30 к., съ пер. 35 коп.

Выпускъ VI-й: „**Изъ разговоровъ о войнѣ**“. *М. Новоселовъ*. Цѣна 10 коп., съ перес. 15 коп.

Выпускъ VII-й: „**Значеніе свободнаго слова для личности, общества и церкви**“. Сборникъ. *А. С. Хомяковъ, К. и И. Аксаковы, Влад. Соловьевъ*. Цѣна 20 к., съ перес., 25 коп.

Выпускъ VIII-й: „**О цѣли образованія**“. Сборникъ. *Н. Н. Пироговъ, Л. Толстой, проф. В. Несмѣловъ, К. Ушинскій, Амосъ Коменскій*. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

Выпускъ IX-й: „**Адьтруизмъ и христіанская любовь**“. *Л. Тихомировъ*. Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп.

Выпускъ X-й: „**Религія и нравственность**“. Сборникъ. *Л. Толстой, проф. Кудрявцевъ-Платоновъ, проф. Гусевъ* и др. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

Выпускъ XI-й: „**Нравственный смыслъ основныхъ христіанскихъ догматовъ**“. Архіеп. *Антоній (Храповицкій)*. Цѣна 25 коп., съ перес. 30 коп.

Выпускъ XII-й: „**Что такое Библія**“. Цѣна 25 к., съ перес. 30 коп.

Выпускъ XIII-й: „**Какъ читать Библію**“. Цѣна 3[illegible] к., съ перес. 40 к.

Выпускъ XIV: „**Смыслъ міровой исторіи**“, *Влад. Соловьевъ*. Цѣна 15 к., съ пер. 20 к.

Изданія

Религіозно-Философской Библіотеки:

I. О возрожденіи Русской церкви.

1) **Предисловіе**
2) **А. А. Папковъ.**
   I. Прошлая жизнь христіанской общины.
   II. О возрожденіи христіанской общины—правосл[illegible]наго приходa.
3) **Н. А. Заозерскій.**
   I. Приходъ и епархія.
4) **А. М. Иванцовъ-Платоновъ.**
   О преобр[illegible]ованіи высшаго церковнаго управленія въ Россіи.
5) **Н. А. Заозерскій.**
   I. Причины слабости высшей духовной власти.
   II. Всецерковный русскій соборъ, какъ главное средство къ возвышенію духовной власти и оживленію церковной жизни.

ОБЩЕСТВЕННОЕ

ЗНАЧЕНІЕ МОНАСТЫРЕЙ.

(Изъ доклада Присяжнаго Повѣреннаго Н. Д. Кузнецова 4 Отдѣлу Предсоборнаго Присутствія по вопросу о церковныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ въ Россіи).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Религіозно-философской Библіотеки.

Г. Вышній-Волочекъ.
Типографія В. С. Соколовой.
1908 г.